

Александр ОЛЬХИН

Александр Ольхин родился в 1985 году. В 2013 закончил Московский педагогический государственный университет (эстрадное отделение музыкального факультета, бас-гитара). С 2021 года обучается в сценарной мастерской Александра Гоноровского, с 2024 года – эксперт в этой же мастерской. Публиковался в журналах «Формаслов» и «Новый берег». Живет в Москве.

РАССКАЗЫ

Светлячки в Песках

Курбатов после обеда пошел на полигон искать целый патрон. Ему нравилось красная метка на пуле и нетронутый капсюль, похожий на тело напившегося клеща. Бабушке Курбатов сказал, что ушел в гости к Лешке Почаеву, а сам свернул с центральной улицы и дворами, мимо водонапорной башни, добрался до соснового леса, в который местные, не таясь, свозили мусор.

Дорога петляла с краю леса. По пути Курбатов останавливался пару раз. Сначала возле выброшенной шины от камаза, в середине которой вытянулись три масленка. Курбатов не удержался и отломил край огромной губчатой шляпы, казавшейся на вид крепкой. Её нутро полностью избороздили червяки. Второй раз он остановился, чтобы разглядеть простреленный дорожный знак с обозначением опасной зоны. Курбатов пробовал сосчитать дырки и постоянно сбивался.

За знаком начинался длинный бетонный забор. Скоро Курбатов дошел до дыры и направился к «будке» – так они с пацанами называли заброшенное двухэтажное здание из силикатного кирпича. Когда-то из него наблюдали за ходом стрельб на военном полигоне, вносили баллы в разлинованный табель из желтой газетной бумаги. Два окна на втором этаже выходили на полигон, еще два смотрели в противоположную сторону. Там были свалены в огромную кучу обломки от пустых ящиков из-под патронов и снарядов.

Теперь здание выглядело так, будто все пули, выпущенные когда-то по мишеням, поднялись в воздух и, развернувшись, долетели до «будки». Стекла и деревянные рамы разлетелись, крыши не было. На серой поверхности стен остались глубокие щербинки. Все, кто стоял внутри – погибли. Никто не знает, что произошло. Из поселка Пески срочно вызвали единственного, кто может расследовать происшествие – следователя Курбатова Мишу. Он разглядывал в лупу кирпичные крошки и ржавые гвозди, грызя травинку. Отдавал приказы невидимым помощникам, снимал улики на дешевый смартфон. Кричал на нерасторопного водителя под окном, чтобы тот пошевеливался возле служебного мерседеса. Обещал невесть откуда взявшейся здесь городской однокласснице Тане из шестого «Б», что все преступники понесут наказание. Таня – недосягаемая красавица – хлопала глазами, и Курбатов, как взрослый, брал ее мягкую руку в свои.

Лупу Курбатов стащил у бабушки – Антонины Ивановны, которая подозревала его в краже, но прямо своих подозрений не высказывала. С помощью лупы она читала газеты и надписи на продуктовых упаковках. Курбатов каждое лето приезжал к ней из города. Любой, кто попадал в Пески, удивлялся – сколько же там по ночам светлячков у реки. Раньше Пески славились еще и воинской частью, но в перестройку ее расформировали. Теперь только светлячки несли ночную службу.

Любимым выражением Антонины Ивановны было: «Вот и именно, вот и именно». Она пережила двух своих мужей, до сих пор ругала Горбачева и думала о себе, что она женщина твердых политических взглядов. Твердость эта выражалась в том, что Антонина Ивановна всегда знала, сколько и чего должен был съесть ее внук. Еще она любила жарить кабачки кружочками, которые Курбатов просто ненавидел. Антонина Ивановна уже третий день просила внука почитать статьи из газет, надеясь, что тот не выдержит и вернет лупу. Курбатов невозмутимо зачитывал новости о поездке президента в КНДР и рекламу самых дешевых зубных имплантов в соседнем

городе, которые, впрочем, все равно были не по карману Антонине Ивановне. Она дальнотзорко вглядывалась в лицо Курбатова, повторяя время от времени любимое «вот и именно». Внук не сдавался.

Антонина Ивановна оберегала его от влияния – по ее выражению – местной «шоблы». Вернее, она так думала. Доверяла она только одному соседскому мальчишке – Лешке Почаеву, потому что тот всегда вежливо здоровался и помогал ей доносить сумки с рынка. Курбатов, отвлекшись от роли следователя, вспомнил, как несколько дней назад они ходили с Лешкой Почаевым на реку, смотреть светлячков.

– Если раздвинуть траву руками, их там, как мандавошек у шалавы. Смотри, – Лешка Почаев нагнулся и зарылся в траву. Внизу мелькнули светлячки, – видишь?

Да, – сказал Курбатов.

Ему нравилось, что Лешка зашел за ним поздно вечером, и бабушка отпустила его с ним запросто, как со старшим братом. Лешка был старше его на два года. Это он научил его курить и познакомил с местными пацанами – той самой «шоблой».

Они высматривали светлячков у реки и ели бабушкины ватрушки. Так тихо и спокойно было, только комары кусались. Курбатов хотел, чтобы у него были такие же бицепсы, как у Лешки. И подстричься он в следующий раз собирался так же, чтобы сзади и с боков – под ноль. Лешка проводил его до дома и попросил арбалет до завтра. Арбалет, привезенный из города, Курбатов никому не давал, но Лешке... Курбатов притащил ему вдобавок пять стрел в брезентовом колчане. Лешка не вернул обещанное утром. К обеду придумал отговорку: что мать случайно унесла пакет с арбалетом на смену в прачечную.

Сейчас Курбатов с удовольствием пострелял бы по разломанным ящикам из арбалета со второго этажа. Если не смотреть вниз – ладони не потеют. Курбатов выглянул разок из оконного проема и сразу – назад. Когда он вырастет и станет настоящим следователем, то научится прыгать и не с такой высоты. Их там, в специальном институте, всему научат. А пока можно придумать, что к окнам лучше не подходить, чтобы не нарваться на пулю.

Курбатову надоело играть в следователя, и он вышел из будки. Гильз на полигоне было много, они валялись кучами. Считалось большой удачей найти среди них неизрасходованный патрон – его можно было продать за сто рублей или же устроить испытания. Курбатову патрон был нужен позарез. Потому что вчера он бездельничал с пацанами на полигоне, и Лешка Почаев, как назло, нашел целехонький патрон. После сцены с арбалетом Лешка демонстративно не разговаривал с Курбатовым. Быстренько развели костер. Бросили патрон в огонь. Потом надо было немедленно прыгнуть за развалины. Патрон шарахнул, спугнув ворон. Где-то в лесу рванул от ужаса лось-подранок. Он знал, что это за звук: сколько в нем боли и крови. Пацаны были в восторге. Бросать патрон в костер оказалось гораздо интереснее и опаснее, чем взрывать бутылки с карбидом. Потом они играли в парашютистов – прыгали из окна второго этажа, повиснув на руках. Авторитет Почаева настолько вырос, что именно он, как инструктор, командовал отрядом парашютистов и говорил, в какой момент совершать прыжок. Курбатов, пока прыгали остальные, достал лупу и разглядывал обломок деревянной линейки.

– Зачем тебе лупа? – спросил Витя Карасик – самый безобидный и младший из пацанов. У него не хватало двух передних зубов, и он смешно высовывал кончик языка из дырки между зубами.

– Когда вырасту, следователем стану, – Курбатов не подумал, что это услышат все.

Пацаны заржали. Карасик сразу отошел от Курбатова в сторону, будто и не спрашивал его. Почаев произнес с расстановкой:

– В мусора только конченные идут.

Курбатов соображал, как ответить, но никто не ждал его ответа – продолжилась игра в парашютистов. Когда перед Курбатовым осталось три человека, он заявил, что ему пора домой.

– Ссышь, тубик? – с вызовом спросил Почаев.

– С фи́га ли? – ответил Курбатов.

– Так прыгай без очереди, – продолжал Почаев.

– Арбалет отдашь, тогда прыгну.

– Да нужен мне твой арбалет всратый. Сломался он после первого выстрела.
– Деньги тогда давай за арбалет.
– Давать другие будут. А прыгнешь, куплю тебе новый. Батя скоро с севера приедет. Он у меня – нефтяник!

Курбатов подошел к окну, перестал дышать и, как буратино, на деревянных руках перевалился на ту сторону. Повис, держась за острый край оконного проема, не решаясь прыгнуть. Но и держать себя долго он не мог. Пальцы ослабли, Курбатов упал. Встал, потер ободранное колено и, прихрамывая, пошел домой. Он отошел уже метров на сто и услышал, как пацаны снова ржут. Ему даже показалось, что больше всех слышно Почаева. «Никогда больше к нему не зайду», – подумал Курбатов. Он хотел плакать, но переборол себя и плюнул на дорогу. Самое главное было – не оборачиваться...

Теперь же, гуляя вокруг «будки», он мечтал найти патрон и позвать пацанов. Курбатов ходил по полигону, пинал кедами желтый песок и гильзы. Достал из кармана конфету «коровка» – единственную еду, которую бабушка сунула «на дорожку» с собой из дома. Развернул бумажный фантик и положил конфету в рот. Чтобы конфета долго не кончалась, ее нельзя было жевать. Курбатов смотрел под ноги, выглядывая патрон. Ничего, кроме ржавых гильз, не попадалось. «Коровка» потихоньку таяла. Июльское солнце пекло нещадно. Курбатов достал лупу и ради забавы поджег сфокусированным лучом фантик от конфеты. Подождал, пока он сгорит полностью. Пепел Курбатов с удовольствием раздавил подошвой. Потом ушел к горе из ящиков для патронов и снарядов.

Некогда темно-зеленые, доски порядком выцвели на солнце, краска потрепалась дождем и снегом. Надписей уже нельзя было прочесть. Курбатов достал лупу. Направил луч на ящик. Дерево задымилось, Курбатов отдернул руку с лупой. На доске остался темный след гари. Вкусно пахло дымком.

Курбатов уже не мог остановиться. Рука вновь подставила лупу под солнце, просохшая доска ящика начала тлеть и загорелась. Курбатов отошел подальше, достал телефон и стал снимать видео. Огонь распространялся быстро, и Курбатов отошел поближе к «будке», чтобы в кадр входило все. Потом он побежал на второй этаж, чтобы снять и оттуда. Что-то щелкало в огне, дымило, как на большом пожаре. Столб дыма видели, наверняка, и в поселке. «Пацанам потом покажу, а то не поверят, что это я», – думал Курбатов, снимая пожар. Ему казалось, что жар достает и до него. И тут рвануло. Курбатов упал на грязный пол второго этажа «будки». В ушах звенело. Сдетонировал танковый бронебойный снаряд, по недоразумению, оставшийся в заваленном пустом ящике.

Когда Курбатов пришел в себя, он нашарил в карманах лупу, которую нельзя было терять. Он хотел подняться и убежать, но боялся, что рванет еще раз. Пролежав так минуту, он решился и ползком подобрался к лестнице. Спустился вниз и побежал вдоль забора до дыры. Ему казалось, что сейчас сюда приедут пожарные, полиция. Его поймут и посадят в тюрьму. Он бежал и говорил сам себе, что сегодня же вернет лупу бабушке и съест жареные кабачки без остатка. Что больше никогда не будет играть в следователя Курбатова и не вернется на полигон. Лишь бы пронесло в этот раз.

Курбатов шел по центральной улице и постоянно оглядывался. Как назло, на лавке у своего дома сидел Почаев, который сразу поднялся и подошел к нему.

– Ты бензином поджигал или так? – спросил он с налета.

– Я не поджигал... – начал отнекиваться Курбатов, но тут Почаев схватил его за руку и крепко ее пожал.

– Нормальный напалм! – Почаев смотрел на него с восхищением. – В окно тебя увидел, думаю: че он один на полигон поперся? Я ца!

Почаев убежал домой и через минуту вынес целехонький арбалет со стрелами.

– Арбалет у тебя – офигенский. У нас тут таких не продают. Ты заходи за мной в следующий раз. Вместе пошляемся.

Ошалевший Курбатов вошел в свой дом. Бабушка журила его за то, что пришел поздно и ужин остыл. Курбатов отвечал невпопад, проглатывая еду; улучил момент и вернул лупу на место. Потом помылся и ушел спать, уложив арбалет с колчаном под кровать.

Утром, пока Курбатов спал, Антонина Ивановна, посмотрела видео на его телефоне, где за кадром следователь Миша Курбатов прибыл на пожар повышенной опасности, чтобы потушить его в одиночку, а потом взрывался снаряд. Миша на видео всхлипывал и убегал.

За завтраком Антонина Ивановна говорила тихо и спрашивала: какую кашу он больше любит и не много ли сырников она положила? Тербила в руках краешек вафельного полотенца с петушками и время от времени гладила его по голове. Руки ее, огрубевшие, сморщившиеся – дрожали. И Курбатов не понимал – почему? В эту ночь ему, да и долго еще потом, снился огонь и громкий взрыв, от которого некуда спрятаться. Он не знал, что никто так и не приехал тушить пожар на заброшенный полигон. Ящики прогорели, и после заката угли долго тлели, похожие на светлячков в густой траве.

Миркой

Гордин смотрел через запыленное окно старого камаза. Изредка попадались голые кривые деревья, на которых сидели тощие вороны с неподвижными агатовыми глазами. Потом и деревьев не стало: мох, камни, жухлая трава. Пропащий край. Тянется от города Горный до поселка Миркой новенькая однополосная дорога. Разбухшая вена на теле пергаментной потрескавшейся земли, напоминающей лунный пейзаж. Когда-нибудь здесь будет и асфальт, а пока – щебенка.

Пылит камаз, хрустит под колесом мелкий камень. Дорога еще не готова, на половине она обрывается. Дальше – ничего, только ветер. Мариночка, дорогая Мариночка, как она плакала, когда узнала, куда его посылают. О том, чтобы ехать с ним, и речи не могло быть: пятилетняя Нина должна есть кашу, ходить в садик, ездить по выходным в зоопарк и показывать рукой на жирафа. Здесь же ее лакированные сандалики быстро сойдутся о мерзлую каменную крошку. А Мариночкины уши в первый же день от рабочих услышат такие слова... Она и шепотом их не произносит, потому что они – оползень. Грязь брызжет изо рта, когда их говорят. Лечиться потом надо, потому что горло обдерет. Это им, мужикам в дешевых китайских куртках, ничего не стоит – глотка луженая. Гаркнут, посмеются. Сплюнут на дорогу и снова примутся ковырять ломом замороженную насквозь мертвую землю, без которой, видимо, не может прожить русский народ. Зачем тут дорога, и зачем тут жить человеку? Разве может он, глядя на это серое низкое небо и бесплодную почву, быть счастлив? Добро бы здесь нашли кимберлитовую трубку или металл какой. Так нет. Приказ с секретным грифом о стройке дороги спустили сверху, и никто не знал, что будет в этом Миркое.

Гордину предстояло достраивать дорогу. Малышева – прошлого начальника стройки – поймали на воровстве. О судьбе его достоверно никто не знал. Ходили слухи, что на допросах Малышеву по кусочку отрезали ухо, пока он не подписал все, что на него повесили. Гордин не хотел думать о судьбе своего коллеги, но чувствовал, как ясновидящий, простую и очевидную мысль – Малышев не жилец.

Гордин решил, что нужно вспомнить хорошее. На ум прикатилось воспоминание об отдыхе на юге, где они провели половину лета с семьей. Сняли дачу под Геленджиком и наслаждались морем, сосновым воздухом, бездельем. Ниночка танцевала на набережной под песни мужчины, изображающего Розенбаума; если закрыть глаза – не отличишь. По вечерам, когда Нина засыпала, они пили с Мариночкой вино, ели жареную рыбу, пойманную Гординым на спиннинг. Днем Гордин рыбачил, Нина купалась, а Мариночка собирала на пляже гладкие продолговатые камушки. Она раскрашивала их потом акриловыми красками. Яркие и веселые – эти камушки остались теперь в тесной тверской квартирке. Хорошо бы позвонить сейчас Мариночке, услышать ее голос, но связь пропала сразу после выезда из Горного. Телефон тут – безделушка. Гордин застонал, забыв, что он не один в кабине камаза.

Водитель Паша – мужик с огромными руками и запорожскими усами – глянул на него и спросил понимающе:

– Зуб?

– Тянет немного, – подыграл Гордин. Ему приходилось перекрикивать рев двигателя.

– У меня своих давно нет, – Паша улыбнулся, обнажив металлические зубы, – тут вода плохая. У всех выпадают.

Гордин не удержался и потрогал кончиком языка свои целехонькие зубы. Он никогда не ходил к стоматологу, и зубы болели у него один раз, когда резался зуб мудрости.

– Только вам переживать не о чем. Мы начальство привозной водой обеспечиваем. Я каждую неделю в город мотаюсь. Дорога теперь – высший сорт: пружинит. Вот построим до Миркоя, заживем.

– Думаешь? – спросил Гордин.

– Поговаривают, что ракеты отсюда запускать будут. Врут?

Гордин ничего не ответил.

– Я вот мечтаю, что Миркой станет городом. Чтобы там ходили трамваи до центрального рынка, – Паше хотелось поговорить.

Гордин вспомнил, как начальник поставил его перед фактом – надо ехать.

– Управишься раньше срока, на повышение пойдешь, – начальник посмотрел на Гордина. И вдруг затараторил: – Гордин, ты хоть как, а управься, мне дорога эта теперь – вот где.

– А что там в этом Миркое такого, что дорогу эту тянут?

– Коля, неправильные ты вопросы задаешь. Малышев, дурак, похоже, дознался – и где он теперь? А я и знать не хочу.

Начальник достал две рюмки, налил из резной бутылочки коньяка. Они выпили, и начальник обнял его, будто перед отправкой на фронт. Гордин не стал бы хвататься за эту работу, если бы не желание переехать в Москву и купить там квартиру побольше.

Он не заметил, как пролетели четыре часа пути. Мелькнули палатки, техника, и он понял – добрались. Паша притормозил, когда Гордину махнул худой мужчина со сжатыми губами. Это был Порезов – комендант стройки, второе лицо после начальника. Они пожали друг другу руки, познакомились.

– Как добрались? – Порезов мигал глазами, будто степным ветром ему нанесло туда пыли.

– Без происшествий, спасибо.

– Ужин готов. Поедите с дороги? – Порезов опять мигнул и по-рыбьи уставился на Гордина.

– Потом. Рабочее место в порядке?

– Да, только... – Порезов замялся.

– Что?

– Местные прознали, что вы едете. Коренные жители. Толпятся возле вашего, так сказать, кабинета.

– Пойдемте.

– Вы не слушайте особо их рассказы. Народ тут вредный, – на ходу говорил Порезов, – а как захотите, мы и ужин вам сообразим.

Они пошли по причмокивающей грязи к теплушке на колесах, которая теперь должна была стать для Гордина рабочим кабинетом. Из трубы шел дымок, у Гордина промелькнул вопрос: «Чем топят?» На поляне перед теплушкой толпились люди. Кто-то пришел с детьми, укутанными в платки. Сначала Гордин даже не понял, сколько тут людей. Пятьсот? Тысяча? Они молчали. Целый улей окаменевших пчел.

– Кто говорить будет? – рявкнул Порезов.

Улей ожил, в нем началось движение. Наконец, на дорогу выпал огромный мужик со шрамом в половину лица. Толстая шея великана сливалась с головой. Его грубое лицо будто наскоро вытесали из камня, не переживая о форме носа и ушей. Гордин кивнул ему на дверь теплушки. Они зашли внутрь. Великан не помещался в полный рост, и ему пришлось наклонить

голову вбок. У стены стоял стул, но Гордин не предложил великану присесть. Было жарко от натопленной буржуйки, Гордину захотелось спать.

– Давайте быстро, – он подвинул в сторону стул.

– Я за наших просить пришел. Чтобы как раньше, нанимали нас и платили. У нас тут другого дела нет.

– Вот оно что, – Гордин расстегнул пуховик, – и много платили?

– Хотелось бы побольше. Я же говорю, тут работы нет.

Гордин оглядывал теплушку, обитую вагонкой. Предбанник, кабинет. Через стенку спальня с разложенной кушеткой. Не гостиничный номер, но жить можно.

– Что делали? – он развернулся к великану.

– Будто не знаете?

– Говорите коротко и ясно. Какую работу выполняли?

– Ложились мы на дорогу, – великан не верил, что Гордин не знает.

Гордин в голос засмеялся:

– И долго лежали?

Великан испугался этого смеха. Совсем растерявшись, он тихо сказал:

– Так до сих пор и лежат, кому заплатили. Навсегда это.

Гордин перестал улыбаться:

– Значит, вы ложились на дорогу, а потом что?

– А потом нас щебенкой засыпали, – великан так и стоял, как огромный кукольный болванчик со свернутой набок шеей.

Гордину стало не по себе. Он понял, что перед ним сумасшедший.

– Так как, не откажете? – великан улыбнулся, обнажив беззубый рот. Теперь, когда он улыбался, лицо его удивительно изменилось, стало каким-то детским, и даже шрам будто исчез.

– Приходите завтра. Утром. Может, и найдется какая работа для вас. Людям скажите, чтобы расходились.

Великан вышел из теплушки. Гордин вспомнил объятья начальника после стопки коньяка и обматерил его про себя. Впервые за день он остался один. Голыми пальцами Гордин открыл дверцу буржуйки. Каменный уголь горел совсем не так, как дрова – он светился розовато-оранжевым светом, как раскаленные чугуны болванки, и иногда по нему проходили всполохи огня.

Постучали в дверь. Вошел Порезов.

– Ужин нести? – Порезов снова мигнул.

– Этого бугая ко мне больше не пускать.

– Хорошо. Так как с едой? Может, и выпить хотите, так я только скажу.

– Давайте-ка лучше пройдемся. Покажете мне, что у вас тут творится, – сказал Гордин, закрывая дверцу печки.

И они отправились с Порезовым осматривать хозяйство. Сначала толкались у пиломатериалов. Гордин вертел в руках бумаги с табелями и цифрами. Не хватало больше половины. Порезов мигал глазами и старался помалкивать.

– Что это? – побагровевший Гордин показывал ему разницу в цифрах.

– Народ тут вредный, – отвечал Порезов, зажмурившись и сжавшись. Казалось, он ждет, что Гордин сейчас ударит его по лицу.

Стали сверять песок, щебенку, инвентарь. Даже по быстрой прикидке получалось, что крали тут безбожно.

– Через два дня выровняешь цифры. Хоть с Луны доставай. Ужин нести не надо. Поем как все, в столовой. – Гордин хлопнул по шее, убив комара.

Порезов повел Гордина к вагончику на колесах. Уже стемнело, и возле лампочки, висевшей на голом проводе у двери вагончика, вилась мошка. Тут же рядом валялись брошенные кем-то лопаты. Порезов нырнул внутрь вагончика, велел повару накрывать стол для начальника. Вынырнул назад, еще раз мигнул.

– Завтра работаем с семи, – Гордин дал понять, что Порезов свободен, и тот моментально растворился в сгустившейся ночи.

Повар быстро подал еду. Гордин спросил, где помыть руки. Повар замычал, показывая на раковину. Оказалось, что повар – немой.

«Господи, что за край искалеченных, изуродованных людей», – думал Гордин.

Он ковырял вилкой в еде. Тушеная капуста с половиной жареной курицы не возбуждали в нем аппетита. Он понимал, что повар старался, но не мог пересилить себя. Гордин отдал повару почти нетронутую еду и попросил чая.

Утомление дня навалилось на него миркойским пыльным валуном. Небольшой кусочек курицы застрял в зубах, и Гордин никак не мог его достать. Пока повар готовил чай, Гордин пытался найти зубочистку. Ее не было ни на его столе, ни на столе рядом. Он пошел за зубочисткой на кухню к повару. Толкнул дверь. Повар дернулся и бросил на тарелку, в которой подавал Гордину, остатки курицы. Глаза его бегали, а на губах остались следы жира. Они оба посмотрели на остатки курицы, которую повар за минуту успел обглодать до костей. Чайник кипел.

– Зубочистку дай, – Гордину теперь расхотелось и чая.

Повар замотал головой – мол, нету. Недовольный Гордин вывалился из вагончика-кухни и направился в свою теплушку, туда, где ему предстояло спать, работать, принимать посетителей ближайшие месяцы... Строительный городок засыпал, где-то вдалеке надрывалась дурная собака. Гордин глянул вверх – небо затянули густые тучи, которые неслись быстро, будто кто тянул их на веревке.

Гордин заперся изнутри теплушки и с удовольствием снял с себя обувь. Носки за день отсырели, Гордин снял и их. Так и не включая свет, он прошел в спальню и лег на разложенную кушетку. Вытянулся. И вдруг понял, что лежит не один.

– Долго шел, – шепнул женский голос.

– Ты кто?

– Лена.

– Что тут делаешь?

– Тебя жду, – она положила ему руку на грудь.

Лена лежала под одеялом голая. Гордин спокойно убрал ее руку и, не вставая, сказал:

– Уходи. Быстро.

– Так все уж оплачено, Порезов денег дал.

– Вот и иди к Порезову. Привет передавай.

Лена встала и, совсем не стесняясь, стала одеваться при Гордине, который привык к темноте и теперь вполне мог ее разглядеть. Это была миловидная женщина среднего роста с широкими бедрами. Вздернутый аккуратный нос, маленькая грудь. Наконец она оделась, глянула в маленькое зеркало на стене и поправила берет.

– Сладких снов, – сказала Лена, не поворачиваясь к Гордину.

Брякнула дверь теплушки. Гордин достал телефон. Нашел фотографии с Мариночкой и Ниной. Вот они на море. А вот – в парке, катаются на автодроме. «Все это скотство – ради них. Потерплю полгода, а потом прочь», – Гордин закрыл глаза. Он знал, что заснет через несколько секунд. Надо было бы закрыть дверь за этой шальной бабой, но так хотелось спать... Вдруг ему стало тревожно. Гордин стал быстро перебирать события дня, пытаясь понять – отчего? Он открыл глаза, уставился на потолок. Вспомнил великана, который нелепо стоял сегодня здесь, уперевшись в вагонку. И тут он вспомнил. Вскочил. Быстро натянул на себя носки, полуботинки. Накинул пуховик и, на ходу застегивая его, побежал обратно к вагончику-кухне.

Свет там уже не горел, но ему и не надо было. Он пошурудил рукой в стороне и взял одну из лопат, брошенных на землю. Торопясь, чуть не споткнулся на глиняной жиже. Несколько минут бежал к дороге, по которой они приехали сегодня с Пашей. Стал откидывать щебень штыковой лопатой. Полотно вгрызалось в щебень легко, дорогу еще не успели раскатать. Вдруг металл наткнулся на что-то другое – ватное, плотное. Как в братской могиле, под щебенкой лежали тела

местных мужиков, прикрывающих свою голову руками. Вот так же дети спасаются от удара, когда играют в снежки.

Гордин, не возвращаясь в свою теплушку, разыскал Камаз. Растолкал Пашу. Сунул ему, сонному, бумажку в пять тысяч.

– Назад, в Горный. Мне срочно, – Гордин уселся, не дожидаясь ответа, на пассажирское место.

Паша проморгался, скомкал купюру и засунул ее, как фокусник, куда-то внутрь своей рубахи. Обулся, завел машину, включил свет. Когда заезжали на дорогу, у Гордина засосало в желудке – в минуты напряжение давала о себе знать плохо залеченная язва. Паша вновь, как днем, вцепившись в руль, вглядывался в разбухший ручеек из щебня.

Гордин ехал и все пытался кончиком языка избавиться от волокна куриного мяса в зубах. Он соображал, что делать и в каком порядке. Заявление об увольнении передать через знакомого адвоката, самому на работе не появляться. Продать квартиру. Собрать семью и уехать на юг, к морю. Купить там дачу, сарай – любую развалюху – и жить самой простой жизнью. Рыбаком, дворником, таксистом. Только бы поскорее забыть Миркой, пыль и грязь, камни и кости.

Крупные капли дождя ударили в лобовое стекло. Мелкая барабанная дробь прошла по крыше кабины. И тут же застучали, зашумели орды капель. Гордин почувствовал через стекло, что даже дождь здесь был холодным и злым. Гордин поежился, поглубже засунул голову в меховой ворот пуховика. Быстро пригрелся и, наконец, заснул беспокойным рваным дорожным сном.